

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

***Я ВИДЕЛ СНЕЖНОГО
ЧЕЛОВЕКА***

доисторические повести и рассказы

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
П70

Прашкевич, Г.

П70 Я видел снежного человека / Г. Прашкевич. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 292 с.

ISBN 978-5-521-74050-5

В одной из своих биографических заметок Геннадий Прашкевич писал:

«Родился на Енисее (Сибирь). Живу (уже более полувека) в новосибирском Академгородке. Видел разные моря, путешествовал по разным краям — от южных до самых северных, до полярных. Одинокие северные народы близки мне. Юкагиры, долгане, шоромбойские мужики, чюхчи, ламуты, кереки, олюбенцы, камчадалы и прочая, прочая. Зимой — зеленоватые отсветы северного сияния, летом — бескрайние облака задавного гнуса. Бесконечные кочевки. Отсутствие времени». Правда, добавляет писатель, во все эпохи и времена на волшебные сказки жители тундры (как и многие доисторические народы, по его мнению) были ничуть не меньшие мастера, чем древние греки.

В книге использованы замечательные рисунки друзей писателя — художников Александра Шурица («Сендушные сказки»), Эдуарда Гороховского («Я видел снежного человека») и Нурии Равиловой («Белый мамонт»), сделанные именно к произведениям, составившим эту книгу.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

© Прашкевич Г., 2021
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Шуриц А., иллюстрации, 2021
© Гороховский Э., иллюстрации, 2021
© Равилова Н., иллюстрации, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

ISBN 978-5-521-74050-5

СНЕЖНОЕ УТРО

Всмотрись в стены, где, сплетаясь, теснятся изображения людей, животных, растений, рек, светил — совсем как в этом мире, где мы живем. В глазах невежды эти картины лишены значения и не один из них задавал вопрос: к чему они? зачем так кропотливо трудились над ними резец и кисть художника?

Но мудрец приближается к ним с благоговением, он изучает по ним историю прошлых веков и постигает тайны мудрости.

Б. Прус

1

Груда ветвей у костра таяла.

После каждой подачи огонь начинал суетно и тепло прыгать, освещая пещеру, женщин и старика.

Длинные волосы старика, схваченные на затылке костяным кольцом, надо лбом были взъерошены и отдельные пряди спадали на щеки, перечеркивая глубокие морщины. Несколько раз старик поднимался и, прихрамывая, шел к выходу, всматривался. Но снег над лесом сам был как лес — ветвистый, медленный, он стоял над скалами и деревьями, а касаясь воды, сливался в тусклые пятна, сплывал по течению, крутился и подпрыгивая в водоворотах.

Выдра, вылезшая на берег, испуганно фыркнула.

Она чувствовала приближение людей.

Старик повернулся так, чтобы снежные хлопья не слепили его, и вот, чуть слышные, а потом громче, громче донеслись

шорохи и шаги, и темные тени скользнули к пещере. Один из охотников шел, прихрамывая, опираясь на других, через завалы его переносили, и в пещере сразу посадили на охапку ивовых прутьев. Однако даже сидеть оказалось ему не по силам, и он сполз на пол, пугая своим молчанием собравшихся вокруг него охотников.

Старик молча провел рукой по лицу упавшего.

Почувствовав холод, отдернул руку и посмотрел на высокого у входа.

По свежим царапинам, по следам ударов старик понял, что охотники столкнулись не со зверем. Охотники столкнулись с Чужими.

Это они отняли у пещерных охотника.

2

Морозная ночь тянулась тихо и медленно, насыщенная сонным прозрачным снегом. Он лег от ледников, дразнящих долину белыми языками, до низких лугов, дожигающих среди сохнувших трав последние красно-голубые цветы. Снег был так тонок, так лёгок, что его продавливали даже мыши, и лисы взволнованно отслеживали тонкие ниточки их следов. Но со скал леса казались такими пустыми, что трудно было отличить заснеженные деревья от заснеженных скал.

3

Но солнце согнало снег и выпустило ручьи, которые несли мутный песок, шумно сдвигали, переворачивали камни, яростно точили каменные желоба. Охотника посадили на дно сухой — овальной, густо посыпанной углем и охрой, ямы. На нем была кожаная рубаха, расшитая мелкими бусинами из раковин и тщательно вырезанных костяных кружков, меховые сапоги, куртка без капюшона, с разрезом, заколотым костяной булав-

кой, и шапка с широкими полосами бус, увенчанных волчьими клыками. Под сбившиеся кожаные рукава нацепили браслеты, расправили выглядывающие из-под шапки волосы. С оттянутых мочек свисали подвески из раковин, отверстия в которых старик просверливал кремневым шилом.

Охотники толпились у ямы, но никто не смотрел на сидящего на угле и охре.

Тихие, лишённые ярких красок, скалы, подернутые мохнатым узором лишайников и мхов, скрывали небо, и только в узкую расщелину пробивался одинокий луч, зажигая радугу над крошечным водопадом.

Высокий охотник подошел к могиле и посмотрел на сидящего.

Копье и дротик... Этого может не хватить на опасной одинокой охоте...

Охотник подобрал округлый валун и с силой ударил его о камни. Осколки брызнули, глухо стуча, подпрыгивая, катясь к берегу. Подобрал подходящие, охотник Мес положил их к ногам сидящего в яме. Привлеченные шумом, испуганно стрекоча, уселись неподалёку сороки. Старик спугнул их, и медленно опустил в яму ложку, выточенную из рога оленя, и плитку песчаника, на которую резцом были нанесены редкие сочетания — рыба и олень, рыба и выдра, бык и щука, утка и лошадь. Еще он положил в яму охру. Даже ушедшему Охотнику следует украшать лоб и руки.

Потом сидящего обложили желтоватыми костями мамонта, принесенными из оврагов, и он окончательно застыл лицом к югу, в сторону улетающих птиц.

Смерть — опасное состояние.

Охотники переминались.

Им хотелось уйти, им хотелось есть зеленый лук, натирать чесноком — не быть причастными к сидящему. Погибший на охоте был уже не свой, он уже не мог оставаться другом. Напрасно старик посыпал лицо убитого охрой — порошок сыпался по бледным щекам, не возвращая им естественного цве-

та, хотя охра была хорошая. Старик сам брал ее из нижних, защищенных от солнца, темно-красных, почти шоколадных пластов. Он сам растирал охру и смешивал с соком акации.

Но сейчас она уже не украшала сидящего.

Кто-то ударил расщепленной костью по каменным плитам.

Под долгие, рвущие сердце, морозные звуки, сидящего забросали песком.

4

Ровное дно пещеры когда-то затоплялось водой.

С факелом, сооруженным из насаженной на палку бересты, старик, прихрамывая, шел по каменному коридору. Тени трепетали, прятались под кровлей, таились в нишах. В немой пляске оживали шершавые неподвижные камни, кое-где алели отпечатки человеческих рук. Достаточно подышать на песчаник, а потом приложить к нему вымазанную краской руку, — песчаник хорошо впитывает яркую краску, штрихи, тонкие и четкие, проникают глубоко в камень.

Изображенные в профиль, рогатые, настороженные, смотрели на старика изображения быков и оленей. Чёр-чёр! — крикнула летучая мышь, пугая голодных крыс. Бз-з-з! Чип! Невидимая, металась в полутьме над двухмерными, лишенными объема и перспективы рисунками.

Старик умел различать возраст рисунков. Он знал, как учатся рисовать. Он знал, что неопытная рука начинает с таких вот прямых линий, близких к самым простым, вертикальным, беспорядочно расположенным, иногда сходящихся к основанию. Только потом рисуют линии пересекающиеся. Ещё позже — кресты, круги, цветные штрихи. Старик любил красный и желтый цвета. Синий его не привлекал, его он совсем не чувствовал. Ему нравилась охра, нравилась чернь из сажи и угля.

Он остановился, разглядывая северного оленя.

Он знал, чем важнее изображение, тем оно крупнее.

Этот олень был просто громадным. Художник показал его бегущим, вытянувшим передние ноги, поднявшим голову, с которой смотрел на старика алый безумный глаз. Над оленем четко выделялся отпечаток человеческих пальцев, обведенный черной краской. От охотника не уйдёшь! Краска, конечно, сохнет, но ее можно долго хранить в пустотелой трубчатой кости.

Старик с уважением разглядывал оленя.

Олень — это шкура, мясо, рог, кость, сало, сухожилия, кровь.

Такие вот рисунки делают самого сильного, самого быстрого оленя уязвимым.

Ещё хорошо перед охотой нарисовать смилившегося оленя.

Нарисовать яркой каской, ведь она — кровь оленя.

Старик перевел взгляд на бесформенные тёмные камни под ногами, пытаясь угадать прячущиеся в них фигуры. Этот может стать волчьей мордой, надо только помочь ему открыть глаза. Если водить факел из стороны в сторону, изображение оживёт, волк будет скалить зубы, отпугивая от пещеры Чужих...

5

Оставив пещеру, старик вышел на берег.

Внимательно проследив не очень чёткий след, он палкой вытащил из песка ящерицу и бросил ее женщине, которая, подхватив добычу, тут же пугливо убежала в пещеру. А старик сел прямо на песок рядом с белым камнем, иссеченным желобами для заточки и шлифования ножей и топоров. Место удобное — даже в самые сухие годы в углублениях под скалами сохраняется вода.

Над речным берегом нависали тяжёлые обрывы, под которыми старик иногда находил необычные каменные слепки. Сбив кремневую корку, ими можно было пользоваться как отбойниками. Ещё под обрывами встречались плоские камни с отпечатками длинных, как наконечники копий, листьев.

Но ценил старик прочные сколы с валунов, годные для изготовления топоров. Старик умел проделывать в камне дыры. Для этого камень калился в огне, и на одно и то же место долго и медленно капали холодной водой, сметая откалывающиеся чешуйки. Камни можно было сверлить и трубчатой костью, пока, наконец, не выпадал из неё длинный цилиндрический стержень...

На плоском камне лежали грубые зеленоватые куски нефрита.

Плотный волокнистый камень удобен для ручной обработки. Самые лучшие орудия получаются из нефрита и роговой обманки, из кремня и обсидиана.

Мужчина должен иметь при себе надежное оружие.

Голыш, попавший под руку для того, чтобы освежевать только что убитого тельца, может при случае быть опасным, но это временное оружие. Мужчине нужен крепкий и острый нож, а женщине — скребло, заостренное с выпуклого края. Ударяя по уплощенному концу нефритового стержня, старик умело отбивал узкие пластины — для ножей. Для топоров у старика хранились под обрывом рукояти, прямые или с крючком на конце. Высушенные прочные корневища. Старик редко употреблял в работе звериные ребра. Грубозернистые, они не давали того совершенства и надежности, которые присущи умело обработанному дереву. Но вот для мелких фигурок губчатое вещество кости подходило как нельзя лучше. А если надо было приготовить фигуру женщины, старик брал полированную кость, гладкую и теплую, как кожа. Он знал, как важно сразу вырезать рот и глаза — изображения оживали. Их можно было расписывать краской. Особенно хорошо на кость ложилась черная, приготовленная из помета летучих мышей. Такая краска гуще и ярче жженой смолы.

Каменная пластина под руками старика принимала сердцевидную форму.

Сидя кружком вокруг старика, охотники вскрикивали, удивляясь особенно смелым сколам. Топоров и ножей мужчинам

всегда требовалось много. Короткие, длинные, узкие, широкие, треугольные, прямые — почти готовые ножи скапливались у ног старика.

6

Вечером появились Чужие.

К счастью, они не нашли основную тропу.

Тесной и грозной группой стояли они на далекой скале, внимательно рассматривая реку и тонкие струйки дыма, выползающие из пещеры.

Охотники прятались от взглядов. Охотники, раздраженно ворча, трогали руками топоры и копья. Река внизу мерцала, как серебристая спина растревоженной рыбы. Уходя в пещеру, охотники выгребали из костра горячие угли и приседали над ними — грелись.

Теперь все знали: в долине Чужие.

Охотники знали силу Чужих.

Одну из женщин охотники когда-то отняли у Чужих.

Эта женщина умела лепить горшки, оставляя на них отпечатки пальцев, и рассказывала странные вещи. Нельзя брать чужую жену. Нельзя брать чужое оружие. Нельзя покидать свое племя. Нельзя есть ближних. Нельзя наносить раны соплеменникам. Нельзя лишать детей пищи. Еще она говорила, что у Чужих пещеры часто сложены из ветвей и коры и их можно перемещать, ставить на любом месте. А ещё Чужие умеют метать дротики на очень большое расстояние, не прилагая к тому особых усилий.

Охотник Мес несколько раз выходил на берег.

Разглядывая далёких Чужих, он негромко рычал, опускал глаза и, не выдержав напряжения, возвращался в пещеру. Ему, как и многим, необходимо было время от времени смотреть на суетливые искры костра...

7

Мороз выдавил влагу из воздуха и мохнатым белым ковром осадил ее на деревья и камни. Силуэты летучих мышей черными молниями пересекали звездное небо. В кустах всю ночь копался и фыркал карликовый медведь.

8

Охотник Мес перешел реку вброд.

Холодный иней не осыпался с ветки, под которую он скользнул, но трава под ногами сразу темнела. Ночь, полная звуков, не пугала охотника. Он уверенно перебегал от дерева к дереву, спугивая взлаивающих болотных шпицев. Наконец, добрался до поляны, в центре которой росла старая гигантская лиственница. Подпрыгнув, он уцепился за нижнюю ветвь и легко и ловко вскарабкался почти на вершину, раздвигая мелкие веточки, стряхивая сухую хвою.

Наконец на него дохнуло прохладой.

Он увидел звездное небо, а ниже, за смутными ночными горами деревьев, мигающие огни. Определив верное направление, спустился, и теперь шел без троп, напрямую — на легчайший, растворенный в воздухе, запах дыма. В последний раз бесшумно раздвинув ветки, он увидел костры, у которых, закутавшись меховые накидки, сидели Чужие. Их было немного, но из смутно различимых за пляшущими огненными лапами костров деревянных сооружений доносились невнятные голоса. Двое Чужих стояли, опираясь на толстые дубины, и на одном из них Мес рассмотрел головной убор, украшенный ушами рыси. Мес презрительно усмехнулся, ещё не испытывая ненависти. Он знал, что присутствие Чужих опасно, но пока даже это не раздражало его. Он чувствовал что-то такое, что иногда, только иногда мучает охотников в те дни, когда пещеру заносит снегом и трудно, а порой невозможно выбраться на берег метельной тёмной реки...